

О. П. ЛИХАЧЕВА

Лев — лютый зверь

«Кто ты, лютый зверю?» — этот вопрос из «Прения живота и смерти» небезразличен для исследователя древнерусской литературы, ведь словосочетание *лютый зверь* в памятниках все еще остается недостаточно ясным, несмотря на обширную научную литературу, посвященную его истолкованию.¹

Смысл этих двух слов в качестве свободного словосочетания ясен — злой (свирепый, хищный, страшный) зверь (животное, существо). Но часто это словосочетание употребляется как фразеологическое выражение и соответствует конкретному зверю — но какому? Льву? Волку? Барсу? Гепарду? Рыси? Медведю? А может быть, и «змей» (т. е. дракон). Об этом ведется давнишняя полемика.

Наибольшее внимание исследователей, естественно, заслужили *лютые звери* «Слова о полку Игореве» и «Поучения Владимира Мономаха».

Словарь Срезневского определяет выражение *лютый зверь* как «волк», приводя только эти два случая — «Слово о полку Игореве» и «Поучение Владимира Мономаха». «Словарь „Слова о полку Игореве“» определяет его как эвфемистическую замену конкретного наименования зверя (льва, волка, рыси).² Приведен богатый словарный материал — практически все случаи употребления словосочетания *лютый зверь* в древнерусской литературе. Интерпретация приводимых материалов может быть разной, примеры дают возможность понимать это словосочетание в разных случаях по-разному — лев, волк, медведь.

Общепризнано, что *лютый зверь* «Слова о полку Игореве» и *лютый зверь* «Поучения Владимира Мономаха» — один и тот же зверь. Это прежде всего связано с тем, что оба памятника почти одного времени и, можно сказать, одного круга. Однако это тождество должно быть поставлено под сомнение прежде всего потому, что функционально это словосочетание в «Слове» и в «Поучении» употреблено совершенно различно. В «Слове» оно играет образно-поэтическую роль, в «Поучении» — информационную.

В «Слове» семантизация «волк» кажется более вероятной, ибо подкрепляется контекстом — следующим далее параллельным сравнением Всеслава именно с волком. «Скочи [Всеслав] отъ нихъ лютымъ зверемъ... скочи

¹ Обзор литературы о «лютом звере» и изложение точек зрения на значение словосочетания *лютый зверь* в «Слове о полку Игореве» предложены в статье Н. В. Шухтиной для «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» (находится в печати). Позволим себе не приводить полную библиографию, отослав читателя к этой статье.

² Виноградова В. Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1967. Вып. 2. С. 117.

влькомъ до Немиги...». Об этом в свое время писал Е. В. Барсов.³ Здесь значение словосочетания не только подсказывается самим текстом, но и подчеркивается образным строем текста. Сравнение с волком, основанное на двух качествах — свирепости и быстром беге, дополняется народными представлениями о волке-оборотне, упыре, что придает всему сравнению мрачный, мистический колорит. Мне кажется, другие возможные «эквиваленты» *лютото* зверя (лев, барс, тем более медведь) не соответствуют задуманному образу.

В «Поучении Владимира Мономаха», напротив, *лютый зверь* не несет никакой отвлеченной образной нагрузки. Он реален. Рассказывается о хищнике, напавшем на охотника, — это не сравнение, не образ. Для прояснения смысла словосочетания здесь уместны экскурсы в естественную историю, зоологию, охотоведение — размышления о физических данных тех или иных зверей, их повадках, среде обитания. Может ли волк повалить коня с всадником? Одни исследователи считают, что не может, что это более крупный зверь — лев, пардус, рысь. Другие приводят данные о том, что нападение волка на всадника отмечено в древних источниках. Приводятся сведения, что львы, гепарды, барсы были в Киевской Руси и любой из этих зверей мог напасть на Владимира Мономаха во время охоты. Однако все это не проясняет значения словосочетания *лютый зверь* как фразеологизма, существовавшего в языке памятников древнерусской литературы. Все эти соображения очень ясно изложены в статье Т. А. Сумниковой.⁴ В частности, она рассматривает «внелингвистические данные», свидетельствующие, что на Владимира Мономаха напал медведь, и дает хорошее грамматическое объяснение такому толкованию словосочетания *лютый зверь* в «Поучении Владимира Мономаха»: это парафраз предыдущего пассажи, где сообщалось о нападении медведя, употребленный, чтобы избежать повторения. Таким образом, в этом случае выражение *лютый зверь* является свободным (или же словосочетанием со значением «хищник»), а не обозначением конкретного зверя.

Следует, однако, отметить, что одна из причин неразрешимости спора о значении выражения заключается в крайней затруднительности однозначного отнесения его к категориям свободного или устойчивого словосочетания. Это дает непохвальную свободу толкований одного и того же словарного материала. Сторонники той или иной точки зрения на словосочетание *лютый зверь* фактически пользуются одним и тем же словарным материалом (он почти весь приведен в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“»); одни и те же цитаты приводятся в пользу волка, льва, хищника вообще. В конце концов, свести концы с концами можно лишь так, как это делает Т. А. Сумникова, т. е. признать словосочетание свободным, окказионально обозначающим того или иного зверя.

Этого же мнения придерживается Т. А. Сумникова и относительно тождества *лютый зверь* — «лев». В статье рассматриваются работы, посвященные теме «*лютый зверь* — лев»; анализ привлекаемых материалов приводит автора к выводу, что случаи синонимии *лютый зверь* — «лев» являются окказиональными, и самые убедительные доказательства в пользу синонимии (об этом далее) лишь доказывают, что словосочетание *лютый зверь* могло ассоциироваться с понятием «лев» в каких-то случаях.

³ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 3. Лексикология «Слова». М., 1890. С. 456—459.

⁴ Сумникова Т. А. О словосочетании *лютый зверь* в некоторых памятниках восточнославянской письменности // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 59—77.

Но прямой номинацией льва этот фразеологизм в древнерусской литературе не стал.

С категоричностью этого утверждения трудно согласиться. Хочется снова взглянуть на имеющиеся материалы.

Первый из сторонников синонимичности «лютый зверь — лев» В. Ф. Миллер⁵ в 1877 г. рассмотрел выражение *лютый зверь* в былинах и песнях, приведя убедительный материал, что «лютый зверь народных песен» — лев («...што ишшо убить ему льва лютово...»; «...сревел как будто лёв-то зверь...»; «...на всякой пуговке по лютому зверю, по заморскому льву...»; «...в том-то стади лёв-ли зверь, и шерсть у льва дак золоцная, а усы у льва да как шишки стоят, крычал лёв-зверь по зверинуму...»). Между тем отмечаются случаи, когда *лёвый зверь* — *лютый зверь* превращается в былинах в серого волка. Объяснение этого перехода В. Ф. Миллер связывает с тождеством корней «лев» — «лют»,⁶ благодаря которому легко происходит перенос значения словосочетания *лютый зверь* как определения на более знакомого (но не менее страшного) волка в памятниках русского фольклора и литературы. Выводы статьи В. Ф. Миллера нам кажутся абсолютно убедительными (*лют* — *зверь* и *лев* — *зверь* встречаются на равных правах в народных былинах; оба слова происходят от одного и того же слова, выражающего понятие «терзать, рвать»; название «лютого зверя» было с течением времени перенесено на волка, наиболее лютого зверя русской фауны; лев в народную словесность вошел из книжной и стал известен на Руси, может быть, из рассказов паломников).

Очень ценным представляется исследование И. Э. Клейненберга,⁷ посвященное изображению «лютого зверя» на новгородских печатях XV в. Изображение на печати, снабженное надписью «а се лють зверь», толковалось геральдистами и историками по-разному (барс, грифон, мифический конь). Для доказательства того, что *лютый зверь* это лев, Клейненберг привлекает большой материал, в том числе — и это самое убедительное в его статье, что признает даже Т. А. Сумникова, — билингвистические данные: 1. Свидетельство словаря Тынниса Фенне (1607 г.) о том, что в Новгороде XV в. *лютый зверь* — лев; Свидетельство словаря Памвя Берынды, 1726 г. (*лев: лютый: царь зверей*); перевод шведской фамилии Christer Löwe как «Костянтин Лютой Зверь» в документах Посольского приказа 1614 г. И. Э. Клейненберг считает, что словосочетание *лютый зверь* вплоть до XVII в. было на Руси основным названием льва, но оно могло употребляться в качестве эвфемистического для обозначения других зверей, в частности волка. С этим мы полностью согласны.

Рассмотрим еще два случая употребления словосочетания *лютый зверь* со значением «лев» в древнерусской литературе. Первый мы находим в работе М. Д. Каган,⁸ опубликованной три варианта басни Эзопа о льве и волке в русских переделках XVII в. В басне три героя: лев (тиран), лисица (хитрец) и волк (жертва). В одной из переделок слово *лев* заменено словосочетанием *лютый зверь* (даже употребляется *царь лютый зверь*).

⁵ Миллер В. Ф. О лютом звере народных песен // Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1877. Т. 7. С. 1—18.

⁶ В. Ф. Миллер опирается на словарь Паули: Pauli C. Die Benennung des Löwen bei den Indogermanen. München, 1873. Современные этимологические словари признают эту этимологию. Существуют и специальные работы об этих корнях, но в данном случае мы не будем углубляться в эту специальную проблему.

⁷ Клейненберг И. Э. «Лютый зверь» в печатях Великого Новгорода XV в. // ВИД. М., 1969. Вып. 2. С. 176—190.

⁸ Каган М. Д. Басня Эзопа «О льве и волке» в русских переделках XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 245—248.

М. Д. Каган полагает, что здесь имеет место монастырская обработка (лев заменяется более абстрактным лютым зверем). На самом деле здесь употреблен фразеологизм с достаточно твердым значением — лев. Заголовок полностью подтверждает это: «О волке, лисице и лютом звере».

Самый убедительный пример, как нам кажется, это отрывок из «Апокрифа о потопе», входящем в интерполированную редакцию «Откровения Мефодия Патарского», опубликованного В. М. Истриным в 1897 г.⁹ «Тогда же окаянный диявол хотяше потопить весь род превратился мышью, нача грысти дно ковчега. Ной же помолися Богу. И прысну лютый зверь, и воскочиста из ноздри его кот и котка, и скочивши удависта дияволя мышью, и не сбystася дияволе злохитрство». Поскольку эта интерполяция восточнославянского происхождения и не имеет греческого оригинала, значение словосочетания *лютый зверь* здесь может быть установлено из контекста — только льва можно было бы считать чудесным прародителем кошек (впрочем, может быть, и барса). Однако в другом списке этого текста читается: «Лютый же зверь лев прыснув и из ноздрей его выскочили кот да кошка и удависта мышь».¹⁰ Здесь несомненно отразилась имевшаяся в протографе этого списка пояснительная глосса, что «лютый зверь» это «лев», которая потом, как это обычно бывает, попала в текст с полей в процессе переписки. Новая публикация этого апокрифа по ефросиновскому сборнику XV в., выполненная М. Д. Каган-Тарковской,¹¹ дает новые подтверждения этой семантизации. Опубликовано два текста: Ефросиновский XV в. — «прысну лютый зверь» и список XVII в. — «чхнул лев на дьявола...».

Словосочетание *лютый зверь* в памятниках переводной литературы, как правило, соответствует греческому обозначению льва. Приведем несколько примеров из «Пчелы»: «Зуб грех, яко зубы лютаго зверя» (*λέοντος*); «Лютому зверю рыкание дано есть» (*λέοντος*); «Котории звери пущей?.. От живущих в лесе медведь и лютый зверь» (*ἄρκτοι καὶλέοντες*). Столь же убедительным примером синонимии *лютый зверь* — «лев» является сцена охоты в «Девгениевом деянии»,¹² где греческому «лев» и «львица» соответствуют в разных списках *зверь*, *лютый зверь*, *лютый лев*. М. Н. Сперанский признал, что текст передает греческий архетип. Последующие ученые согласны с этим утверждением. Хотя иногда бывают недоразумения, связанные с бытованием представления, что *лютый зверь* — волк.¹³ Можно, вероятно, считать, что словосочетание *лютый зверь* со значением «лев» имеет книжное происхождение и оно находится в некотором противоречии с *лютым зверем* — волком, связанным с диалектами и фольклором.

Разбирая словосочетание *лютый зверь*, мы, к сожалению, не имели возможности коснуться другой немаловажной темы — символики льва. Скажем только, что символика льва велика и многоаспектна, она охватывает

⁹ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897. С. 117. Такое же чтение и в другой публикации «Апокрифа о потопе»: Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 18 (по списку 1602 г.).

¹⁰ Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 251.

¹¹ Каган-Тарковская М. Д. Легенда о дьяволе в Ноевом ковчеге по древнерусским рукописным собраниям // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1986. С. 106.

¹² Сперанский М. Н. Девгениево деяние // СОРЯС. Пг., 1899. Т. 99, № 7; Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962.

¹³ Х. Грехем в докладе на XII Международном конгрессе византистов (Охрид, 1961) высказал мнение, что употребление словосочетания *лютый зверь* в «Девгениевом деянии» является сознательной русификацией текста со стороны редактора, заменившего льва греческого текста на русского волка. В. Д. Кузьмина справедливо отвергает это утверждение (Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. С. 95). Доклад Грехема был впоследствии издан: Graham H. F. The Ljutyj zver' in Devgenievo Dejanie // Byzantinoslavica. Prague, 1963. Т. 24, № 1. S. 54—62.

всемирную литературу. Восточная, ветхозаветная, христианская и западноевропейская символика льва связаны общими корнями, в них есть и общее, и противоположное, и нельзя игнорировать символические значения при лексикографическом изучении материала. Учет символических значений слова «лев» в ряде случаев может быть косвенным свидетельством в пользу семантизации *лютый зверь* — «лев». Так, если *лютый зверь* — «царь», то это, конечно, не волк, а лев. В общеизвестном примере «летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлом, рыщут лютым зверем, вопрем диким, волком...»,¹⁴ по нашему мнению, не так важно для понимания значения *лютого зверя*, что в перечислении упоминают волк (т. е. по логике *лютый зверь* — не волк), а то, что параллельно идет сравнение с орлом. Простое: орел — царь птиц, лев — царь зверей — усугублено символическим значением. Вспомним, что орел, лев и телец в пророчестве Иезекииля символизировали славу Господню; эти же животные фигурируют в Апокалипсисе при описании апокалиптического зверя; они же являются символами евангелистов. Однако вопрос о символике льва и об отражении ее в древнерусских памятниках — это тема отдельного исследования.

Литература и искусство народов Востока содержат многообразные символы, связанные со львом, частично основанные на древней мифологии, частично связанные с действительными качествами этого хорошо известного на Востоке зверя (сила, хищность, величественная осанка, страшный рык). На Востоке лев символизирует власть (божественную и царскую), а также качества, присущие царям и героям (доблесть, гордость, храбрость, величие, великодушие).¹⁵

Символика льва появляется и в Библии. Характерны сравнения со львом, построенные на качествах величия, мощи, грозности льва; это высокие сравнения, даже сам Бог сравнивается со львом («Вслед Господа пойдут они; как лев, Он даст глас Свой, и вострепунутся к Нему сыны с' запада». Осия. 11, 10). Но чаще при сравнении со львом используется двойной смысл (лев — сильный и гордый зверь и лев — символ царства). Так, Иаков сравнивает сына своего Иуду со львенком (скимном), и это сравнение выражает пророческое благословение Иуде, предсказывает ему скипетр. Пространное, эпическое благословение Иакова, исполненное символических предречений, выражено в литературной форме библейской ритмизированной прозы, с приемами синтаксического параллелизма, но строится на реальных наблюдениях над зверем («Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его?» Быт. 49, 9). Сочетание закрепленных традицией символических значений, возникающее одновременно с прямым реальным повествованием, характерно для Библии. Только символические значения меняются. Так, если обычно лев символизирует царство вообще, то в пророческих книгах (Иеремии, Иезекииля, Аввакума, Даниила) лев символизирует Вавилонское царство. В вещем сне Даниила (Дан. 7, 4) Вавилонское царство явилось в виде льва с орлиными крыльями (орел — тоже царский символ). Лев, выходящий из чащи и превращающий землю в пустыню, — таково Вавилонское нашествие (Иер. 4, 7; 5, 6). Имя льва может выражать не только конкретную опасность от враждебного царства, но и вообще опасность, ужас, зло, а

¹⁴ Калайдович К. Ф. Иоанн ексарх Болгарский. М., 1824. XV. О книгах истинных, ложных и о суевериях. С. 208—212. Пример находится на с. 211.

¹⁵ Подробнее об этом: Иванов В. В., Топоров В. Н. Лев // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 41—43.

также и темные сатанинские силы и грехи. Так, Даниил в львином рве — не просто человек, брошенный на растерзание зверям, но и праведность среди зла и порока грешного мира. Наиболее поэтическая книга Библии — Псалтирь — также употребляет и прямые номинативные названия льва, и символические интерпретации. Псалом 103, стихи 20—21: «Положил еси тьму, и бысть ночь, в нейже пройдут зверие дубравнии, с кимни рыкающие восхитити и взыскати от Бога пищу себе». В этом псалме воспевается красота и благолепие мира Божия, где всякая тварь живет под покровительством Бога в гармонии с природой, в том числе и рыкающий молодой лев. В Псалтири, а затем и в Новом Завете, в символическом значении лев изображает грех, зло, самого сатану. «Спаси мя от уст львовых», — восклицает псалмопевец в псалме «О заступлении утреннем» (Пс. 21, 22), моля Бога о помощи в борьбе с грехом. «Лев рыкающий, иский кого поглотити» (1 Петра. 5, 8) стал общеизвестной парафразой сатаны и греха. Подобные символы попали и в литургику («львом разумным уста заградил еси» — кондак Леонтию (Льву), папе римскому),¹⁶ и в богословие («заткает же верою львом уста» — Шестоднев Георгия Пизиды).¹⁷

Среди ветхозаветных символических образов наиболее важным для понимания символики льва и в новозаветных текстах, и в средневековой теологии, и в более поздних богословских и литературных сочинениях является пророчество Иезекииля. В 1-й главе книги пророка Иезекииля рассказывается о видении четырех крылатых существ; у каждого из них четыре лица: человека, льва, тельца (вола) и орла — «Такое было видение подобия славы Господней» (Иез. 2, 1). Подобие славы Господней, т. е. изображение ее, доступное пророческому созерцанию, раскрывается в образе четырех существ, лица которых выражают важные качества каждой области земной жизни, а совокупность их — полноту красоты мира. Лица принадлежат существам, «которые имеют первенство в сем мире: между тварями — человек, между птицами — орел, между скотами — вол, между зверями — лев». Человек выражает разумность, лев — силу, телец — крепость и крепость, орел — выпренность.¹⁸

В Апокалипсисе «четыре лица» появляются для эсхатологического пророчества. «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему» (Откр. 4, 7). В Толковании Андрея Кесарийского на Апокалипсис дается объяснение: это те самые животные, которых видел пророк Иезекииль в виде четырех лиц, они являют четыре стихии, из которых человек составляется, а также четыре добродетели и четыре Евангелия. Лев являет мужество и соответствует Евангелию от Иоанна, телец, «своими си довлея труды», — правду и соответствует Евангелию от Луки. «В лепоту же ними назнеменательну быти и смотрению Христову. Львом яко царю, тельцем же священником, паче же и жертве...».¹⁹

Однако присвоение евангелистам символов четырех существ пророчества Иезекииля не было однозначным. Святыми отцами предлагались разные толкования этих символов и соответственно разное соотношение этих симво-

¹⁶ Цит. по ркп. XVI в. БАН, 12.3.12. Устав церковный, л. 128 об.—129. В печатном Типиконе на 18 февраля, память Льва, папы римского — «...львом словесным...». По изд. 1640 г. — л. 504; по изд. 1904 г. — л. 208 об.

¹⁷ Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 г. СПб., 1888. С. 26. (ПДП Т. 32).

¹⁸ Об этом подробнее в толковании к 10-му стиху книги Иезекииля: Толковая Библия. СПб. 1908. Т. 2. С. 210 (фототипическое переиздание 1983 г.).

¹⁹ Толковый Апокалипсис. Киев., 1712. Л. 43 об.

лов с евангелистами.²⁰ Св. Ириной Лионский, так же как и Андрей Кесарийский, относит символ орла Марку, льва — Иоанну, тельца — Луке, человека — Матфею. Блаженный Августин иначе распределяет эти символы: Матфей — лев (поскольку в Евангелии от Матфея говорится о царском происхождении и царском достоинстве Христа), Марк — человек (ибо говорит о деяниях Христа как человека), Иоанн — орел, ибо «возносит мысль превыше человеческой немощи». Блаженный Иероним объясняет иначе: у Матфея говорится о родословии Христа, поэтому символ Матфея — человек; в Евангелии Марка «глас вопиющего в пустыни» (голос рыкающего льва), поэтому символ Марка — лев; Лука говорит о священстве Захарии, поэтому ему дан символ — телец, а Иоанн (орел) — о недосызаемой силе слова. В современной христианской церкви символы закреплены так: за Матфеем — человек, за Марком — лев, за Лукой — телец, за Иоанном — орел. В практике старообрядцев лев — Иоанн, а Марк — орел. Это основано на Апокалипсисе Андрея Кесарийского, закреплено в писаниях старообрядцев и в Поморских ответах, сохранилось в предисловиях к старопечатным и рукописным четвероевангелиям.

Отцы церкви прилагают символы четырех существ пророчества Иезекииля и к самому Христу. Григорий Богослов предлагает такое понимание этой символики: Христос воплотился (человек), принес себя в жертву (телец), расторгнул узы смерти (лев), вознесся на небо (орел). У Софрония, патриарха Иерусалимского, другое объяснение: лев — сила и начале Христа, телец — священническое служение, человек — явление по плоти, орел — нисходящая сила Святаго Духа. Подобные толкования многочисленны, они встречаются в приписках к греческим и славянским рукописям Евангелия и в изобразительном искусстве. В древних мозаиках, фресках и иконах встречается тетраморф (соединение четырех символов в один), к которому древние литургисты относят слова литургии: «поюще (орел), вопиюще (телец), взывающе (лев) и глаголюще (человек)».

Библейская символика, в частности символика льва, получает свои модификации в памятниках средневекового богословия и литературы. В слове Ипполита, папы римского, «О скончании мира»²¹ применена символика зверей в эсхатологическом смысле. Отталкиваясь от видения пророка Даниила (Дан. 7, 3—7) — четырех зверей, предрекающих нашествие четырех царей, св. Ипполит развивает тему конца света, используя собственное понимание символических образов животных. Антихрист стремится принимать видимость Христа — предупреждает свою паству автор слова. Христос, которому подобает царская почеть, уподоблен льву («Господу убо и Спасу нашему Сыну Божию ради царскаго и славнаго льву проповедану»), антихриста же уподобляют льву, подчеркивая его жестокость и бедственность («тем же образом и сопротивника подобна льву пронарекоша писания, мучительное его и нужное являюще»). «По всему убо хочет уподобиться Лыстец Сыну Божию». Как видим, св. Ипполит подчеркивает две стороны в символике льва — символ царства и символ опасности и смерти. Далее, он сплетает символ льва с христианской символикой агнца.

²⁰ См. об этом в работе Н. В. Покровского «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (СПб., 1892. С. XXXII—XXXVII) и статье «Памятники искусства и иконографии в древнехристианском искусстве» (Христианское чтение. 1893. Вып. 4. С. 13—45. Сноска на с. 34—37).

²¹ Слово св. Ипполита «В неделю мясопустную о скончании мира, и о антихристе, и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» входит в сборники, чаще всего в календарные сборники устойчивого состава. В данном случае цитируем по старопечатному Сборнику (Киев, 1712. Л. 127). Это слово встречается в рукописях в качестве предисловия к толковому Апокалипсису.

«Лев Христос, лев и антихрист. Явился Христос агнец, явится и антихрист агнец, внутри сый волк». Если лев имеет два символических значения, то агнец однозначен, поэтому необходимо ввести еще один элемент в символическое построение — волка, прячущегося в овечьей шкуре.

Развитие символических значений образа льва связано также с «Физиологом». ²² Статьи «Физиолога», как известно, содержат сведения о животных, их внешности и повадках и предлагают толкования их как символов тех или иных догматов религии, нравственных качеств, лиц и событий библейской истории и т. п. О льве сообщается три вещи. Первое — лев замечает хвостом свои следы; второе — когда спит, он не закрывает глаза; третье — рождается львенок мертвым и оживает только через три дня, когда отец его дунет ему в ноздри. Это третье единодушно толкуется всеми версиями памятника как символ трехдневного воскресения Христа. Второе свойство льва подкрепляется цитатой из Ветхого Завета: «Якоже Соломон послушествует песни, глаголя: Аз сплю, а очи мои бдита» (Песнь песней. 5, 2). Толкования же первого свойства разнообразны. В одних версиях львиная хитрость (замечание следов) сравнивается с тем, как Христос в своей земной жизни скрывал свою божественную сущность. В других — эта хитрость рекомендуется творящим милостыню: совершать милостыню следует в тайне.

Следует также отметить, что в ряде памятников византийско-славянской письменности, как и в Библии, прямые номинативные употребления значения в рассказах о львах сопровождаются, если можно так сказать, символическими аллюзиями. Так, в патериках, где рассказывается об отшельниках, встречающих в пустыне львов, подчеркивается, что святые отцы достигли своими добродетелями такой гармонии с миром, что и дикие звери им повиновались. Не присутствует ли здесь старинная символика (лев — грех), выражающая мысль о святости, побеждающей зло не насилием, а добром и любовью?

Говоря о теме льва в древнерусской литературе, невозможно не упомянуть «Стефанит и Ихнилата», ²³ переводной цикл басен о животных, где главный герой — лев. В данном случае не будем касаться прямых номинативных употреблений (таких как «лев, аще заеца держит и видит велбуда, оставит заеца и велбуда гонит»), ни обозначения басенного персонажа. Отметим только некоторые оттенки, интересные нам для рассмотрения символических употреблений слова «лев». Главный герой цикла — царь лев (старое тождество — царь-лев). Его собеседник, второй главный герой — телец. Не переключается ли это с рассмотренной символикой четырех существ Библии и Апокалипсиса? Это представляется вероятным, если признать, что создатели славяно-русской версии «Стефанита и Ихнилата» воспринимали этот памятник в кругу философско-нравоучительной книжности, абстрагируясь от его басенной природы. ²⁴

²² Карнеев А. Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1878. (ИОЛДП. Вып. 92).

²³ Стефанит и Ихнилата. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII в. Л., 1959. (Сер. «Лит. памятники»).

²⁴ В свое время автор настоящей статьи, исследуя славяно-русскую версию «Стефанита и Ихнилата», пришел к выводу, что в отличие от первоисточника славяно-русская версия существовала в рамках другого жанра: не басенный цикл, а сборник изречений. Эта часть исследования полностью не опубликована. Краткий вариант, без развернутых доказательств, включен в комментарий к изданию «Стефанита и Ихнилата», см.: ПЛДР. Конец XV-первая половина XVI века. М., 1984. С. 683.

В заключение этого этюда хочется привести очень яркий случай свободного от традиционной символичности сравнения, основанного на качествах силы и величия, присущих льву. Это сравнение можно рассматривать как авторское, а не как традиционное. Надгробное слово Василию Великому Григория Богослова (цит. по рукописи XI в. ГПБ, Q.п.1. 16): «Аще и льва хулит кто, яко не взирает опииски, но грде и цесарски...» («Разве кто-нибудь осудит льва за то, что он выглядит не как обезьяна, а гордо и царственно...»).